

Ценностная база и социокультурные проекции современного российского консерватизма

То, о чем я хотела сегодня говорить, пересекается с докладом Леонида Владимировича [Полякова. – Ред.]. И, может быть, будет своего рода ответом на вопрос о том, как вписать в современный российский контекст и насколько существует в обществе запрос на консервативные конструкции, на какие реальные ценностные ориентиры или на какие позиции общественного мнения можно опираться, для того чтобы обеспечить или хотя бы предзадать эффективность определенных консервативных стратегий.

Прежде всего как философу мне был очень приятен разговор об универсалиях. Это так редко бывает. Бальзам на душу. Особенно при том, что эти универсалии имплицитно, неявно, интуитивно содержатся и в запросах наших сограждан. Когда мы проводим опросы, не только общественного мнения, но и качественные, постоянно выходит на поверхность запрос на высшие ценности. Человек вроде бы говорит об обыденных вещах и вроде не обладает большим образованием или, наоборот, очень образован, но запрос на высшие ценности постоянно присутствует. Вероятно, этот запрос практически элиминирован из смыслового контекста, и такие ценности, как красота, духовность и труд, как ни странно, начинают возвращаться в дискурс простого гражданина. Не того, кто сидит в кабинете, идеологизирует, выстраивает идеологические конструкции, а «просто» гражданина, может быть, далекого от гуманитарного знания.

Насчет труда. В свое время мы в Институте социологии проводили интересное исследование по мечте – о чем мечтают россияне. Отвечая на вопрос «Что для вас является идеалом в русских народных сказках?», большинство выбирало не только сказку о Золушке или о Емеле, очень многие выбирали сказы Бажова о красоте, мастерстве и труде. Затем, когда шли расшифровки фокус-группы, оказывалось, что труд как ценностная характеристика, либо как вечная ценность, как трансцендентное, либо как институционально оформленная, все более и более начинает быть востребованной. В свое время к нам приезжал в качестве стажера Пол Картер, который сейчас работает советником в американском посольстве. Он проходил стажировку на философском факультете МГУ. В своей книге он вспоминает, как он рассматривал систему ценностей. Это были 1980-е годы. Он выстраивал систему: в советском обществе во главе всей ценностной системы стоит труд, а у нас в Америке – деньги. По деньгам выстраиваются авторитет и социальная значимость, вообще место в обществе.

Труд как ценность не только в метафизическом абстрактном, трансцендентном плане воспринимается, но и в связке с той категорией, о которой го-

Мчедлова Мария Мирановна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН, профессор кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.
E-mail: mchedlova@yandex.ru

ворит Леонид Владимирович, – с категорией «справедливость». То есть справедливость – далеко не абстрактная категория. Социальная справедливость достаточно иерархична в сознании россиян. Например, абсолютно несправедливым воспринимается существенный разрыв между богатыми и бедными. Очень несправедливым воспринимается неравенство возможностей по отношению к образованию и медицине. Но при этом справедливым является, что если человек много работает и получает большие деньги, он имеет право получить и лучшее жилье, и какие-то иные социальные блага. Таким образом, вопрос в том, как преломить социальную справедливость, чтобы получить адекватный ответ. Неравенство возможностей по отношению к образованию и медицине преломляется в очень большой запрос государству. Я тут полностью поддерживаю трактовку государства Леонидом Владимировичем как института, стоящего в центре консервативных построений, идеологических или практически. Государство, по мнению людей, не должно уходить из социально значимых сфер. Очень большой запрос на обеспечение государством справедливости именно в социальной сфере.

Консерватизм – это всегда ответ на определенную угрозу. С моей точки зрения, консерватизм в современной России может быть рассмотрен на пересечении двух моментов. Первый – против линейности, против монологических линейных практик. Принцип, заложенный внутри консервативных подходов, – это принцип несводимости культур к единому образцу. И не случайно здесь всплывает хантингтонская методология. Позволю себе напомнить, что волны консервативных идеологий или великих книг по консерватизму приходились на времена после больших потрясений. И сегодняшние угрозы, которые до такой степени расщепили понятие цивилизации, что мы уже не говорим о цивилизациях как общностях, а скорее как об идентичностях, как о самобытностях, как о сохранении внутреннего ценностного основания. Если посмотреть на русскую консервативную традицию, там тоже можно увидеть много переключек.

Другой важный момент – это некие асоциальные факторы, которые в нашей стране проявились более весомо. Не только потребительство и разложение моральных ценностей. Это и крушение общественной солидарности. Современное российское общество становится больше похоже на разбитое зеркало, которое надо собрать воедино. И в каждом осколке этого зеркала отражается запрос на социальное единство. Но не то единство, которое в песне «Наутилус Помпилиус» «Скованные одной цепью», а единство в общефилософском смысле, единство, без которого совокупность людей нельзя назвать нацией, народом или политическим государством. Этот запрос подтверждается социологическими исследованиями. Например, когда мы смотрим мы-идентичность, то оказывается, что ключевой мы-идентичностью является отождествление себя с гражданином России – 70%, самая высокая идентичность, больше, чем принадлежность к вере, к национальности, к землячествам и так далее. Но есть обратная сторона медали – то, на что направлена государственная стратегия поддержки семьи, то есть усиление я-идентичности с семьей. Это большая проблема – разрыв между мы- и я-идентичностями. Но в этом и ресурс эффективной политики: сделать из социальной фрагментации и семьи некое единство.

Следующий момент, на который я хотела бы обратить внимание, это культура. Культура не в смысле только искусство и ремесла, но культура в очень широком семиотическом контексте, о котором писал Лотман. И в таком контексте уместен вопрос, кого в первую очередь можно назвать русским человеком. Когда задается такой вопрос, вводится ряд индикаторов. И вот оказывается, что на первый план все больше и больше начинают выходить два индикатора. Тот, кто воспитан русской культурой и считает ее своей. И тот, кто говорит на русском языке. Критерий русского языка повысился за два года почти в два раза. Мне

кажется, ощущение угрозы размывания ценностно-смыслового поля требует определенных, в хорошем, консервативном, смысле охранительных практик. Аналогичные тенденции имеют место и в Европе. Это евроскептики, которые победили на выборах в Европарламент. И не случайно Михаил [М.В. Ремизов – Ред.] говорил о новых правах. Ален де Бенуа когда еще говорил о том, что национальная культура и современный глобальный мир – это проблема соотношения крыльев и корней. За это его время от времени в фашизме обвиняли, еще в чем-то, особенно политики либеральной направленности. Ведь проблема совмещения крыльев и корней – это та самая проблема совмещения культуры, языка и глобального мира. Вызов глобального кочевничества влечет за собой вполне определенный ответ. Я не очень согласна с Ольгой Малиновой в том, что Бог – это центр консервативной конструкции сегодня. Мне кажется, нет. Потому что консервативные конструкции, ценностные практики точно так же претерпевают изменения, как и все остальное – и в понятийном контексте, и в институциональном контексте. Но религии я все-таки отдала бы одно из значимых мест. Религия, которая должна вроде бы охранять традиционалистские моменты, выступает и некоторым космополитическим фактором – «нет ни эллина, ни иудея». Во многом именно это совмещение космополитического и традиционалистского в церкви приводит к тому, что сегодня религии в иных, превращенных, формах начинают возвращаться в политическое пространство. И тем самым появляются практики, которые способны обеспечить самобытность и единство в обществе, показать пути в солидарное будущее. Не случайно в России сегодня фиксируют такой феномен, как социальное православие. Что это значит? Это значит, что социальные практики, прежде всего деятельность общественных организаций, связаны не столько с вероучением, сколько с объединительным моментом православия. 40–50% молодежи вовлечены в религиозные организации. И если у нас только 4% глубоко воцерковленных, то огромное количество людей принимает участие в благотворительных организациях, помогают детским домам, помогают инвалидам. Помогают в том, что сегодня наши респонденты называют общими делами. Общее дело – это такая же часть консерватизма. Очень часто наши респонденты в течение двух- трехчасовых бесед приводят в пример, как огромное количество добровольцев ездило на Дальний Восток помогать бороться с последствиями наводнения.

Наконец, вопрос о том, что наши сограждане хотели бы видеть в качестве ключевой идеи развития. На первое место, как ни странно, почти половина респондентов (я обращаюсь к опросам 2013 года) ставят социальную справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах. Второе место делят свобода самовыражения личности и обеспечение стабильности и развития в обществе без революций и потрясений. И только на третьем месте (20% наших сограждан) – возвращение к национальным традициям, моральным ценностям, проверенным временем. Мне кажется, что необходим поиск точек пересечения, определенная модернизация понимания консервативных практик и возвращение в смысловое пространство высших ценностей.

В.В. Федоров. Последние четверть века, когда наше государство пыталось резко изменить свою сущность и отказаться от функции указания на общую цель, продемонстрировали, что мы не готовы к такому изменению сущности государства. Скачок к другому типу государства, которое только устанавливает правила и следит за их исполнением, не удался. Огромная масса претензий к государству связана именно с тем, что оно нам не указывает, куда идти. Мне самому сложно определиться, какой из этих двух типов государства более комфортен и приятен. Может быть, мне лично было бы более комфортно государство, которое ничего от меня не требует и только гарантирует соблюдение некоторых правил человеческого общежития и работу институтов. Но я понимаю, что как нация мы еще не настолько взрослые. А может быть, никогда и не повзрослеем до возраста, в котором такого рода существование, совершенно свободное от запросов к государству насчет высших ценностей, миссий и целей, станет возможным и органичным.

Труд – ценность вполне рабочая, необходимая. Но не труд сам по себе, а труд именно как служение. Труд как элемент общего дела, как элемент реализации общей миссии. Если мы эту миссию найдем, если это будет удачная находка и общество действительно разделит эту миссию, тогда находится решение проблемы солидарности. И благотворительность, и помощь, и поддержка, и любовь, но в рамках определенного единства. И самое главное – находится решение проблемы справедливости. Общество наше – это общество крайнего неравенства. И решение проблемы справедливости возможно, на мой взгляд, только по принципу «всем по чину». Что вызывает наибольшее возмущение? Не по чину берет. А чин чем определяется? В нынешней системе чин определяется уровнем близости к суверену нашему, которым, разумеется, является не народ. Соответственно, точно так же, как мы труд должны из проклятия превратить в служение, мы должны и справедливость превратить из определяемой по критерию близости к суверену в определяемую по роли, по вкладу в это общее дело. Давайте искать миссию.

И.Е. Дискин. Все, что мы можем, – это идеологическое доформатирование того, что укоренено

в массовом сознании. Надо понимать границы нашего воздействия. Явно нащупывается такая фундаментальная ценность консерватизма, как социальная справедливость. Она глубоко укорена в российском массовом сознании. Она хорошо срашивается с представлениями европейской консервативной традиции. Это точка опоры для выстраивания идеологии. Только необходимо очистить социальную справедливость от архаических наслоений.

Социальная справедливость проходит тестирование в миллионах социальных практик. Соответственно социальная справедливость – это тест на эффективность наличных социально-экономических и политических институтов. Мы сегодня говорили об общем деле. Это правильный поворот, тесно связанный с ценностью социальной справедливости. Консерватизм традиционно обращался к механизмам социализации с опорой на социальную справедливость. Какие это были механизмы? Это были механизмы горизонтального социального контроля. Мы совершенно об этом не говорим. Мы сегодня говорим о контроле сверху, иногда говорим сегодня о демократическом контроле снизу (что скорее является либеральным установлением), но не говорим о механизмах горизонтального контроля. Напомню поездку в Америку Алекси-са де Токвиля. Что его поразило, чего не было в сословной Франции? Это погруженность Америки в систему горизонтальных связей, которые обеспечивают горизонтальный социальный контроль. И это же было характерно для Англии, а потом для современной Европы. И это обеспечивает участие гражданского общества в социализации, в социальном контроле и, как результат, обеспечивает эффективность западных социальных институтов.

Л.В. Поляков. Только одно напоминание: Токвиль, наблюдая Америку, вывел понятие «демократический деспотизм» как финальную стадию этого горизонтального контроля.

И.Е. Дискин. Токвиль был продуктом Просвещения, где ценности свободы индивидуальной были незыблемы. А для Америки ценности индивидуальной свободы были вторичны по отношению к ценностям установления Бога и социального порядка. Если же вы консерватор,

тогда для вас мнение окружающих и механизмы социального контроля являются необходимым условием эффективности институтов.

М.Ю. Виноградов. Скажу, может быть, спорную фразу. Вот Иосиф Евгеньевич говорил про нащупывание. Понятно, что в сегодняшнем мероприятии помимо поиска неких исследовательских научных истин есть определенная конкуренция участников за то, чтобы предложить модель, объясняющую первым лицам, что же все-таки они строят. Так или иначе, но в этой части нашей дискуссии возникает нащупывание темы возвращения к идеям коммунизма. В словах Леонида [Л.В. Полякова. – *Ред.*] про СССР имеет место такое пересечение. Это и слова Валерия [В.В. Федорова. – *Ред.*] о необходимости реабилитации ценности труда. Это и ответ на вызовы фундаментализма, о которых говорила Марина [М.М. Мчедлова. – *Ред.*]. То есть какой будет коммунизм в отдельно взятой стране, а потом, когда Европа закатится, все к этому придут? И Россия будет лидером этого процесса, или как-то еще? Ну, в общем, постепенно вы нащупываете возвращение к коммунистическому идеалу.

О.А. Матвейчев. Мне тоже кажется, что дискуссия пошла по левому пути, особенно в связи с идеей социальной справедливости. Эта тема – традиционная скорее для левых, а не для консерватизма.

Реплика. Рейган в своей революционной речи двадцать три раза употребил понятие *socium justice*.

О.А. Матвейчев. Есть много других, кроме Рейгана, левых. Рейган мог всякие миксы использовать. Мне кажется, что идея социальной справедливости наше общество сейчас взорвет. Наше общество очевидно несправедливо, и надо с этим что-то делать. А значит, революция – либо сверху, то есть 1937 год, либо снизу, то есть Майдан. Вывод в повестку дня темы социальной справедливости кончится чем-то подобным. Консерватизм, наоборот, всегда стремился от социальной справедливости отходить. Даже Христос, когда его понуждали быть слишком большим социалистом, он уводил на темы духовности, личного спасения.

В.В. Федоров. 80% населения считает нашу систему несправедливой. Все мы помним успех

совершенно искусственно слепленного из не пойми чего проекта «Справедливая Россия», который был основан только на одном слове.

И.Е. Дискин. Владимир Владимирович Путин в Послании 2013 года говорил о социальной справедливости как о фундаментальной ценности России и о том, что ее утверждение является необходимой задачей государственной власти. Коллеги, давайте пойдем: либо проблема социальной справедливости будет поставлена государственной властью и правящей партией, либо ее поставят снизу.

О.А. Матвейчев. Так я и говорю – революция: либо так, либо так.

И.Е. Дискин. Но революции нам не нужны. А нам нужно использовать массовые представления общества о несправедливости в качестве индикатора для совершенствования общественно-политической государственной системы. Российское общество достаточно консервативно, чтобы тематизацию социальной справедливости не использовать в качестве революционных лозунгов, потому что желание социальной справедливости вполне уравнивается запросом на социальную стабильность и социальный порядок. Поэтому ваши опасения, при всем моем глубоком уважении, представляются неосновательными.

А.Ю. Зудин. Хочу поддержать то, что сказал Иосиф Дискин, и напомнить, что анализировать необходимо весь массив общественного мнения. Запрос на социальную справедливость идет вместе с запросом на эволюционный тип развития. Это, во-первых. Во-вторых, с признанием достижительных ценностей. Пенсии признаются справедливыми те, которые трудовые. Те, которые основаны на накопленном труде. Давайте не забывать, что у коммунизма, из которого мы все вышли и продолжаем ему то ли поклоняться, то ли его бояться, нет монополии на эти вещи. Хочу также обратить внимание на ценности коллективного существования. Мне кажется, что эти ценности являются центральными для консерватизма. А вот то, каким образом организован данный коллектив, то есть исторически сложившаяся общность, это второй вопрос. Он может быть организован совершенно не обязательно в

виде левой утопической или, наоборот, либертарианской утопической горизонтали. Там вполне себе произрастают и иерархии. Самое главное, чтобы иерархии признавались справедливыми. И они признаются.

Л.В. Поляков. Хочу напомнить, что американские консерваторы ищут приставку. Их иногда позиционируют как палеоконсерваторов, а кого-то – с другими унижительными добавками. И они нашли для себя формулу еще начиная с Рейгана – *caring conservatism*, то есть заботливый консерватизм [консерватизм, которому не все равно. – *Ред.*]. Можно вспомнить и классиков. Я имею в виду Джона Грея в его «Поминках по Просвещению», когда он говорил еще в 1995 году по поводу заката тори, что консерватизм сейчас имеет единственный шанс – поворот налево.

О.А. Матвейчев. Я же не спорю с тем, что социал-консерватизм – это нынешний тренд. Но не надо такой крен большой делать в социал- и превращать все в коммунизм.

М.В. Ремизов. Консервативное понятие справедливости функционально по отношению к идее общественного целого. Именно с этой точки зрения справедливость сложно признать высшей ценностью. Почему? Потому что это ценность, определяемая через что-то другое, то есть через идеи общественного блага. В левом варианте это возможно, потому что имеет место некая распределительная идея о том, что все равны, все обладают свободой, все обладают какой-то искрой Божией и равенство между ними можно рассматривать как некий социальный абсолют. Если же мы говорим о консервативном понятии справедливости, то это функционально по отношению к идее общественного блага. То есть справедливо пропорциональное распределение, в том числе и благ, в зависимости от вклада человека в общее благо. И это понятие, как мне кажется, нужно поддерживать и культивировать, оно действительно является системообразующим. Консервативный мыслитель Аристотель исходил именно из него. Условно говоря, несправедливо – это не когда у одного много, у другого мало. Несправедливо – это когда большой ученый получает меньше, чем секретарша банкира. Или, в позднесоветское время, получает меньше, чем какой-нибудь

товаровед или человек, который контролирует мясной прилавок. Эти проявления неправильных иерархий являются серьезным вызовом для консерватизма, потому что консерватизм – это мышление, ориентированное на оправдание иерархичности. Вызовом для консерватизма является появление аномальных иерархий, патологических иерархий, которые связаны с общественным регрессом и которые общественное целое тянут вниз. Поэтому для консерватизма очень важной темой является нащупывание идеи правильной иерархии, восстановление правильных иерархий вопреки иерархиям перевернутым и неправильным. С этим связаны консервативные коннотации справедливости. Приоритет правильных иерархий над неправильными. Но четкий критерий разделения правильных и неправильных найти не так просто. Трактовки общественного блага очень разные.

И.Е. Дискин. Коллеги, вы забыли, из чего росла консервативная идея социальной справедливости. Социальная справедливость – это соответствие Божьим установлениям. Только в обществе Модерна справедливость стали рассматривать утилитарно-инструментально. Именно поэтому проблему распределения монополизировали социалисты. А традиционный консерватизм всегда рассматривал эту проблему в соотнесении с Божьими установлениями. А в массовом сознании представление о справедливости не инструментализировано. Оно соотносится с некими представлениями о социальной норме. Иерархии там присутствуют, и конвенции там присутствуют. Поэтому вполне живет в массовом сознании социальная справедливость как отдельный феномен, в соответствии с которым можно строить...

М.В. Ремизов. Никто не спорит с тем, что в массовом сознании живет как отдельный феномен. Но то, что вы говорите, лишь подтверждает мой тезис. Вы говорите о том, что ранний консерватизм, апеллируя к идее справедливости, имел в виду определенный «богоустановленный порядок», моделью которого была ойкумена средневековой Европы с ее социальной лестницей. Средневековая же Европа была синтезом христианства и Рима.

М.М. Мчедлова. Позвольте мне тоже вмешаться в спор титанов? Я согласна с Михаилом насчет идеи всеобщего блага. Общее благо всегда будет в центре, с этим никто не спорит. И я готова с вами полностью согласиться. Основная цель государства – обеспечение общего блага.

О.А. Матвейчев. Ценностью может быть личное спасение, и никакого общего блага.

М.М. Мчедлова. Давайте все-таки уйдем в секулярную плоскость. Но я хотела сказать о другом. У социальной справедливости сегодня колоссальный мобилизационный идеологический потенциал. Не только в России. И риторика папы Франциска, который стал самым популярным политиком, центрируется вокруг социальной справедливости. И исламисты, которые приходят к власти после арабских революций, у них на знаменах написано «справедливость»: этот мир несправедлив, мы приведем вас в справедливый мир. Естественно, «справедливость» помещается в идеологические дискурсы и в социальные практики. Конечно, хотелось бы избежать радикализации. Мне кажется, «справедливость» вполне может быть встроена в основание политической практики, но вопрос – в каком формате. Не сидеть и говорить: это справедливо, а это несправедливо, – а действовать через определенные государственные практики: общественный контроль, социальную политику. Самый большой запрос от граждан – на социальную сферу государства. Именно социальная сфера считается несправедливой: образование, медицина, жилье, детские сады. Вместо того чтобы сбрасывать с себя социальные обязательства, надо, наоборот, туда вкладывать. Вот вчера Саша Филиппов [А.Ф. Филиппов. – *Ред.*] написал в «Фейсбуке»: в технологическом колледже отменили стипендии. А там учатся не самые обеспеченные люди. Просто отменили стипендии. Ну, сколько там – 1000, 1500, 3000 рублей. Вы говорили о накопительных пенсиях, о пенсиях, которые справедливы, которые по труду. Вот по этим реперным точкам, по которым происходит жизнь конкретного человека, справедливость и проверяется.

О.А. Матвейчев. Абсолютно какие-то социалистические темы. Мы уходим от консерватизма на сто процентов.

М.Ю. Виноградов. Интереснейший ход дискуссии: мы с Олегом, не будучи единомышленниками, вместе защищаем консерватизм от утопистов. Олег, я попробую твою реплику обострить и в виде вопроса вернуть. Как должен поступать классический консерватор в вакууме, если ценность справедливости вступает в конфликт с совестью, с семьей, с Родиной? Как должен поступать консерватор?

О.А. Матвейчев. Поскольку наш разговор превращается в классический платоновский диалог о государстве, то я и отвечу по Платону. Консерватор должен предполагать, что в обществе должно быть сословие, которое полагает своим призванием сужение этому обществу не за золотого тельца, а просто потому, что иначе не может. Иерархия, которой меряют не зарплаты, а ответственность и служение, это, наверное, и есть консервативный подход. Если Платона интерпретировать не как изобретателя коммунизма, что основано на недочтении или неправильном чтении, а как первого иерархиста, то вот ответ консервативный. Стройте общество так, чтобы умные, образованные и духовные служили этому обществу не потому, что за это платят «золотые парашюты».

О.Ю. Васильева. Я историк, не философ, не политтехнолог и ни к какому классу не отношусь. Хочу напомнить, что, если говорить о христианской этике, но не беря протестантизм, – там есть два понятия: праведное богатство и неправедное богатство. Откуда все последующее и увязывалось на протяжении всей истории. А идеи социалистов, коммунистов и иже с ними – это уже перепевы. Неправедное богатство – это сироты, вдовья дома, то, что ты не можешь брать.

Л.В. Поляков. Тема очень важная. Мы все еще находимся в инерции решений XXI съезда КПСС о всемерном, полном удовлетворении материальных и духовных потребностей советского человека. До тех пор, пока эта инерция продолжается, если в вопросе о праведном богатстве мы делаем акцент на богатстве, то мы забываем вообще идею праведности. Консервативный подход будет только тогда, когда «праведное» доминирует.